

рокову» *). „Да, дѣйствительно, писалъ Тихонравовъ, онъ только заѣбнялъ крыломъ за голову этого писателя, и сколько лѣтъ прошло послѣ того, пока онъ осѣнилъ новаго русскаго комика! «Мольникъ» Аблесимова показывалъ, что публика готова была съ жаромъ броситься на всякую живую повинку; но тотъ же «Мольникъ» служитъ печальнымъ доказательствомъ того, какъ трудно было высвободиться изъ подъ вліянія французскаго».

Подаромъ еще Грибѣдовъ говорилъ: «мы не винимъ, а только перечисляемъ» и въ письмѣ къ Катенину, который замѣчалъ, что въ «Горѣ отъ ума» виднѣтъ болѣе дарованія, чѣмъ искусства, отвѣчалъ: «знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ скорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Но возвратимся къ московскому театру Медока, которому ип. В. М. Долгорукой-Крымскій, управляющій тогда Москвою, выразилъ за постройку театра благодарность и продолжилъ ему привилегію до 1796 года (Драматич. Альбомъ, изд. въ Москвѣ, въ 1850 г., II. Арионовъ).

Дѣла Медока пошли отменно, по вѣскорѣ Ив. Ив. Вецкій нашель выгоднымъ и полезнымъ учредить при Московскомъ воспитательномъ домѣ публичный театр, управленіе которымъ было поручено барону Раижурю. Съ этого времени начались измѣненія и тяжелыя бѣдствія для Медока, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало упраздненіе заведеннаго Вецкимъ театра, такъ какъ нашли неприличнымъ, чтобы дѣтви воспитательнаго дома играли и танцовали на публичной сценѣ, почему сто илтомцевъ, предназначенныхъ для театра, отдаши были на жалованье Медоку, съ тѣмъ, чтобы онъ училъ ихъ, на своей счетѣ театральному искусству и наукамъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Москвѣ существовало до 20 барскихъ театровъ со своими актерами, актрисами и оркестрами. Число всѣхъ давалъ спектакли игралъ Н. В. Шереметевъ; они происходили у него по четвергамъ и воскресеньямъ, и на нихъ стекалась вся Москва, такъ какъ за входъ платы не взималось. Это обстоятельство особенно невыгодно отзывалось на сборахъ Медока, и онъ жаловался на Шереметева правителю Москвы, ип. А. А. Прозоровскому, и князь, въ свою очередь, на жалобу Медока отвѣчалъ, что «фасадъ вашего театра дуренъ, и видѣтъ нѣтъ въ немъ архитектурныхъ пропорцій; онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ биваетъ течь, сквозитъ худую кровлю, вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по дышному плану. Внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ, въ большую залу одинъ входъ и выходъ, въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для развѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно. Декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса, зимой ея не топятъ, всѣ сидятъ въ шубахъ; когда же топятъ—угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть, что два или три старыхъ; нѣтъ ни гѣнца, ни гѣвницы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Попѣрить нельзя, что у насъ капельмейстеръ глухой, а балетмейстеръ—хромой. Изъ вашей школы не вышло ни одного гѣвца, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ нѣсѣ вы неудачны» и т. д.

Эта безпощадная критика театра Медока ип. Прозоровскимъ подтверждаетъ его характеристику, что онъ былъ человекъ: «мелочной, придирчивый и способный на проски» (Рус. Стар. 1874 г. т. IX). Впрочемъ, лучшимъ доказательствомъ своеобразнаго вкуса и взгляда на вещи стараго князя Прозоровскаго можетъ служить слѣдующій указъ Императрицы Екатерины II, отъ 5-го июля 1791 г., находящійся въ Мол. Собр. Законовъ».

«Князь Александръ Александровичъ! По прошенію находящагся въ Москвѣ ипѣ иностранца Доменика Форталда, вы можете дозволить на удобномъ мѣстѣ, отъ управы благочинія назначенномъ, построить театръ для зрѣнаго боя, посланку таковымъ позоричемъ, какъ вы сами допосите, тамошняа публика будетъ дозволена».

Въ 1799 г., т.-е. ровно сто лѣтъ тому назадъ, Медока разорился. Актеры его просили отдать театръ имъ ни окупятъ и хотѣли представить за себя поручителей, но согласія на это не послѣдовало, и учрежденный особый комитетъ, испрося слова у Опочуцкаго совета съуду въ 300.000 р., удержалъ старый домъ Медока, остальными деньгами удовлетворялъ его кредиторовъ, и Медоку добрая Императрица Марія Осодоровна, супруга Павла I, назначила пенсію въ 3.000 р. въ годъ.

Съ этого времени въ Петровскомъ театрѣ начала даваться представленія крѣпостная труппа Алексѣя Емальяновича Столыпина, собиравшая имъ изъ селъ Пензенской и Саратовской губерній, въ которыхъ находились помѣстья Столыпина. Труппа эта состояла изъ 49 мужчинъ и 27 женщинъ; въ это число входили и маленкія дѣти. Столыпинскихъ актеровъ отличали на афишахъ отъ свободныхъ актеровъ тѣмъ, что передъ ихъ фамиліями не ставили буквы «з», т.-е. господишь или госножа.

Зимомъ 1805 года Петровский театръ сгорѣлъ предъ началомъ представленія оперы «Русалка»; примомъ пожара случилась неосторожность гардеробейстера. По почину владѣльца труппы, А. Е. Столыпина, въ томъ же году дирекція выработала проектъ устройства новаго Императорскаго театра въ Москвѣ. Директоръ театровъ Парышинъ, 6 ноября 1805 г., доложилъ объ этомъ Государю слѣдующее:

«По поводу сгорѣвшаго ипѣ московскаго Петровскаго театра, предлагая неизбежность возобновленія онаго въ столь многочисленной столицѣ, по сдѣланной уже примычкѣ къ сему полезнѣйшему, имѣющему благотвительное вліяніе на всеобщее просвѣщеніе и нравы, роду увеселенія и съ одной стороны—сображалась съ видами казенныхъ выгодъ и учрежденія онаго по великомъ отношенію на точныхъ и приличныхъ столицѣ основаніяхъ, съ другою—будучи твердо увѣренъ, что тамошняа публика не только желаетъ, но особеннымъ почтениемъ съчастіемъ возстановленію необходимо нужнаго для нея сего заведенія подѣ лестнѣйшимъ титуломъ Императорскаго, осмѣливаюсь всеподданнѣйше довести Вашему Величеству, по благоуудно ли будетъ повелѣть присоединить его къ Императорской дирекціи, и о возобновленіи и учрежденіи труппы свестись мнѣ съ тамошнимъ градоначальникомъ и, войдя совокупно во всю подробность по сему предмету, представить Вашему Величеству на благоусмотрѣнію». На этомъ докладѣ собственною рукою Государя, 29-го декабря того же года, было начертано: «Вѣтъ по сему».

Черезъ полгода ипѣ роскошнаго деревяннаго театра для Москвы былъ представленъ на Высочайшее позрѣніе, а 18-го августа онъ удостоился утвержденія Государя и отправленъ въ Москву къ генералъ-губернатору. Во время производства постройки, дирекція начала прискивать для пріобрѣтенія въ собственность труппу. Поискъ продолжался подолго, такъ какъ вѣскорѣ

* Моск. Телеграфъ, № 8.